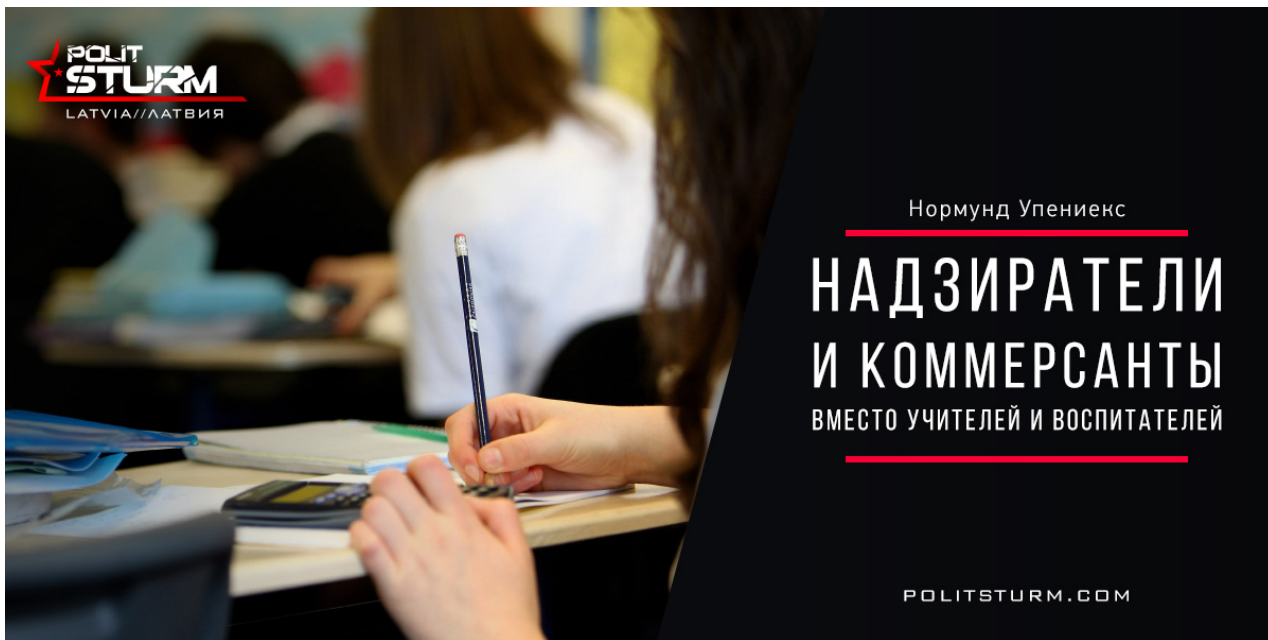

Надзиратели и коммерсанты вместо учителей и воспитателей

Нормунд Упениекс

НАДЗИРАТЕЛИ И КОММЕРСАНТЫ ВМЕСТО УЧИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ

POLITSTURM.COM

2016-12-31

8 мин. на чтение

Марксистский взгляд на систему образования в буржуазной Латвии

Образование в Латвии. Казалось бы, какое оно может быть в одной из самых нищих стран Европейского Союза? Прежде, чем мы вдадимся в анализ образования в Латвии – приобщимся сперва к некоторым информационным сводкам из официальных СМИ. Передовицы последних месяцев гласят: «Шадурскис: школы должны не только учить, но и воспитывать лояльных Латвии людей», «Министр образования и науки Карлис Шадурскис мог бы инициировать поправки к законам, которые позволили бы лучше контролировать нелояльные к Латвии школы и педагогов, сообщили в передаче ТВЗ “Ничего личного”», «Никакая модель оплаты труда педагогов не сможет возместить сокращения числа детей в муниципальных школах на 5-10%, и придется считаться с сокращением целевой дотации, указал сегодня министр образования и науки Карлис Шадурскис на заседании комиссии Сейма по образованию, культуре и науке».

И это лишь только специально отобранные из новостей обо всех изменениях в системе образования в Латвийской Республике за последние полгода. Но уже из этих заголовков складывается совершенно точное и ясное понимание того, в какой ситуации находится образование в Латвии.

Автор этих строк хорошо знаком с особенностями образовательной системы в Латвии практически на всех уровнях, помня школьную специфику и ощущая сейчас на себе специфические черты системы высшего образования. Поэтому в этой статье мы время от времени будем перемещаться из изложения официальных фактов к воспоминаниям и впечатлениям из жизненного опыта.

Самое первое, с чего требуется начать – это то, что с падением Советского Союза, пала и советская образовательная система, которая сегодня даже буржуазной профессурой признаётся лучшей. Она включала в себя все передовые функции и характерные черты того времени – от качества преподавания, со всей присущей ответственностью за излагаемый материал, и вплоть до эффективного педагогического подхода, определявшего взаимоотношения между субъектами, участвующими в образовательной системе. Во главе же этой схемы стояло социалистическое хозяйство, которое означало управление системой образования вовсе не министрами-капиталистами, а людьми, которые имели прямое отношение к образованию, что подразумевало совершенно иные объёмы финансирования образования в Советские времена – не то, что в нынешние.

Второе, на что требуется обратить внимание – это на повсеместную тенденцию на постсоветском пространстве, – на коммерциализацию высшего образования. То есть, высшее образование стало платным. Как и следует понимать и ожидать, это означает немедленное приближение коммерциализации и образования низших уровней. Объяснений не требуется, в государственных “бесплатных” школах родители не только покупают за свои деньги учебники и искусственно выдуманные “рабочие тетради”, но и раскошеляются на обустройство классных помещений.

Третье. Одной из зияющих пробоев в латвийской образовательной системе является анархия в области взаимоотношений в педагогическом составе, в отсутствии единой цели в системе образования и стабильных программ

образования, подменяемых приказами о соблюдении «лояльности» (об этом – ниже), а вместе с тем – в колоссальных пробелах в кадровой политике с набором педагогического состава. По многочисленным единичным наблюдениям, а также по зафиксированной статистике, недостаточное качество преподавания выливается в повторяющиеся из года в год провалы государственных централизованных экзаменов. Как сообщает Государственный центр содержания образования, в 2013 году экзамен по математике не сдало 132 старшеклассника (что равняется, по их подсчётам, 0,7% от общего числа писавших).

А в этом, уже уходящем году, как свидетельствуют данные о результатах того же экзамена, с целым рядом заданий, представленных в экзаменационной работе, не справились уже целые тысячи школьников. Так, к примеру, с одним из заданий, напрямую связанным с логическим мышлением, не справилось 3422 или 24% учащихся.

Однако, математика является лишь одним из предметов, в котором на экзаменах обнаружались громадные прорехи преподавания. Лидером на этом поприще выступает именно государственный язык (!) – и виной тому сложившиеся внутринациональные отношения, напрямую отразившиеся и в образовательной системе. Латышский язык претерпел свою основную деформацию не столько в переполненной жаргонизмами разговорной речи современной латышской молодёжи, сколько именно на школьных уроках латышского языка, экзаменационные требования к которому растут, а качество его преподавания, по наблюдениям самого автора, стремительно падает. И виной тому, в немалой степени, именно националистическая истерия. Сами находящиеся у власти националисты предпочитают сваливать ответственность за деградацию государственного языка на учителей латышского языка нелатышского происхождения, однако, автор ещё со школьной парты отчётливо помнит, как даже в русских школах наблюдалась строго обратная тенденция.

С этим в связке идёт требование министерства образования и его главы Карлиса Шадурскиса соблюдать «лояльность». От преподавателей средней школы всерьёз, юридически (!) потребовали «лояльности», то есть – преданности и очистки разума от антигосударственных настроений. Конкретно, требуют от преподавателей «правильного» изложения материала на таких уроках, как история, где нельзя «отрицать оккупацию», ставить под сомнение «коммунистический геноцид», критиковать итоги «национального пробуждения». И если пожилой учитель на основе своего жизненного опыта посмеет сказать, что, допустим, в 70-х годах жизнь была спокойной и зажиточной, а недовольные и особенно активно протестующие «диссиденты» составляли ничтожную величину, то горе этому учителю! Уже и эзоповым языком нельзя выразить то, чего требует совесть и правдивость, это будет признано отклонением от «лояльного» видения реальности. Заодно от учителей требуют соблюдения всех регалий, включая обязательное надевание ленточки с цветами государственного флага на 18 ноября и 4 мая (главные государственные праздники буржуазной Латвии). Как видно, Министерство образования, уделяет гораздо больше внимания соблюдению патриотических церемониалов, нежели процессу реального обучения школьников. Это прямо свидетельствует о непрофессионализме чиновников министерства – вместо профессионалов в министерстве заседают идеологи и публичные политики.

К слову, о самих обучаемых – о школьниках. Конечно, контролировать их гораздо сложнее, чем педагогов – как ввиду их численного перевеса, так и ввиду особенностей их возраста. Однако, к ним применим гораздо более прагматический подход – учитывая, что классов у нас в средней школе аж 12(!), то детей и подростков выгодно подольше держать в школе.

Вместе с тем, наблюдается анархия в области распределения школьников по классам и группам. Особенно отметим избыточное количество школьников в группах. Как объясняет буржуазный аналитик Хельмут Родке, внедряемый сейчас правительством принцип "nauda seko skolēnam" ("деньги следуют за школьником") играет злую шутку со школами. Принцип, суть которого заключается в том, что чем больше в школе учеников, тем больше финансирования эта школа получит, на практике делает образование неконкурентоспособным, не давая школьнику благоприятных условий для получения нужных ему знаний, цель которых, согласно этому же принципу, стать, подчеркнём, конкурентоспособными, дабы данная учебная программа могла получить дальнейшее финансирование (!), главным образом, из-за того, что классы битком забивают детьми.

Другой высказавшийся по этому поводу – один из преподавателей Латвийского Университета, Марекс Никласс, в своей записи на сайте atjaunotne.lv в заметке «Что означает принцип «деньги следуют за школьником», пишет, что помимо чрезмерного увеличения числа школьников на отдельно взятый класс, следуют и проблемы преподавателей, чьи судьбы напрямую зависят от успеваемости класса (либо – в случае преподавателя в ВУЗе, – успеваемости аудитории), то есть, от числа «впитавших» в себя предмет, от чего напрямую зависит зарплата преподавателя. И это, как он же отметил, напрямую влияет на «инфляцию» оценок, которые будут необоснованно повышаться и девальвироваться, а следовательно – расшатывать дисциплину в классе.

В целом, рассматривая всё с классовой точки зрения, в принципе «деньги следуют за школьником» нет ничего, что не было бы универсальным для буржуазного общества, ибо этот принцип напрямую подчиняет ход образовательного процесса рентабельной зависимости. Заметим, что и в Советское время классы порой тоже насчитывали по 40 и выше человек – но при этом, мы были самой читающей нацией общепризнанно. Но это лишь первое.

А второе, уже касающееся следующей стадии развития учащегося – студента – и что вырисовывается даже в официальной латвийской статистике – это громадное перепроизводство юристов, экономистов и гуманитариев (политологов, антропологов, теологов...) на фоне острой нехватки «технарей». Как сообщают сетевые новости за сентябрь 2016 года, «Дешёвая рабочая сила больше не является важным критерием на рынке труда — большее значение имеют навыки людей и их возможности в будущем, заявил на заседании парламентской комиссии по устойчивому развитию министр экономики Арвил Ашераденс. Минэкономики признает, что в настоящее время существует несоответствие между предложением специалистов с высшим образованием и спросом на рынке труда.»

Этому явлению легко найти сразу несколько обоснований – как то, что за последние 25 лет в связи с уничтожением производственной базы в Латвии, выражаясь языком буржуазной экономической мысли – исчез и «рынок труда» для специалистов, так и то, что по окончании ВУЗа студенту любой профессии, тем более технической, не предоставляется гарантированного рабочего места.

Однако, и судьба студентов гуманитарных факультетов на этом поприще сложилась ненамного лучше. К примеру, достоверно известно, что на Историко-философском факультете Латвийского Университета, на исторической программе, с некоторых времён, было сокращено число курсов – с 5 до 3 на бакалаврских профессиональных курсах. Вместе с тем, явное ухудшение претерпело и снабжение студентов литературой – автор знает, что всю необходимую литературу для написания и презентации своих работ,

доставать приходится в библиотеке, пользуясь специальной университетской библиотечной поисковой системой. Причём, отнюдь не всегда нужная книга находится в широком доступе, так как количество экземпляров в библиотеке слишком мало. Иными словами – учебников для исторического факультета почти нет, если не считать возможные подарки со стороны деканата студентам в виде прикладной литературы. Для сравнения: на курсе “Экономика и управление” Латвийского Университета студентам предоставлены гораздо более удобные и комфортные условия обучения – с прилагающимися учебниками, гораздо более чётко и ясно составленной учебной программой и более широким спектром изучаемых предметов, включающих себя «бизнес на английском языке» и информатику (это в то время, когда изучению эпохи античности на историческом факультете уделено лишь полгода!), и как следует понимать – преподавательский состав там зачастую имеет ещё и выгодные связи с государственными учреждениями и фракциями в Сейме.

Кстати, о самих преподавателях. Если учителя в Латвии часто подвергаются острому социальному риску ввиду постоянных колебаний в зарплатах и регулярных сокращений, и по ним, сверх того, бьёт остриём национально-патриотическая истерия с проверками на «лояльность», то ситуация с профессорами обстоит несколько иначе. Возвращаясь к примеру Историко-философского факультета Латвийского Университета, следует отметить две ключевые особенности: первое, некоторые из преподавателей входят в безусловно “лояльную” Государственную комиссию историков (это оставим без комментариев), второе, – все профессора данного факультета, связаны с самим Университетом посредством трудового договора, который предусматривает те же требования, что выставляются и школьным педагогам – касающиеся, прежде всего, той самой “лояльности”. Следует также отметить, что старая «добрая» традиция отсылать в вышестоящие инстанции «анонимки» не просто никуда не делась, а находит и по сей день активное применение в деле донесения на преподавателя – автор этого текста даже достоверно знает имена подвергшихся этой процедуре. Из этого вырисовывается очень любопытный вопрос – насколько крупным становится фактор пусть и пассивного, и ничем, кроме кухонных разговоров, не выраженного недовольства масс, раз даже буржуазная профессура становится жертвой политических репрессий?

Видимо, всё же не случайно, что существующий ныне Латвийский Профсоюз Работников Образования и Науки (ЛПРОН) время от времени даёт о себе знать – именно в нём аккумулируются стихийные настроения, выражающиеся в протестах работников педагогического труда. ЛПРОН насчитывает свыше 30 000 членов и за годы своего существования был инициатором крупнейших демонстраций педагогов и даже сидячих забастовок. Но и здесь чего-то явно не хватает. Что же мешает в настоящее время, педагогам и студентам стать революционным субъектом?

Во-первых, педагоги, в отличие от ныне почти изничтоженного промышленного пролетариата, не являются настолько спаянной и пронизанной коллективизмом силой. И их специфика труда, соответственно, неблагоприятна для выставления столь радикальных требований, которые могли бы потребовать для себя рабочие промышленных предприятий. Они работают, как правило, отдельно, распределяясь по кабинетам, и не подвержены столь частому взаимному контакту.

Поэтому в нынешних обстоятельствах, максимально прогрессивными требованиями со стороны педагогов могут быть лишь требования повышения заработной платы и устранения шероховатостей при проведении учебного процесса. Но это далеко даже от стихийных требований промышленного пролетариата, которые, как правило, уходили всегда значительно дальше

требований заработной платы, охватывая собой и требования относительно условий труда и рабочего времени. А, следовательно, промышленный пролетариат, теоретически, в отличии от ЛПРОНа, был бы даже способен под руководством реформистов социал-демократов, на стачку (которая, правда, уже и так запрещена).

Во-вторых, как было сказано выше, огромную роль играют классовые противоречия в среде педагогов и профессуры. Дело здесь не только в идеологической разнице между преподавателями, но и в тех условиях, которые порождают эту идеологическую разницу. Это и привязанность педагога к своему рабочему месту, и большой риск его потери, если он вдруг совершит “деяния”, которые, с юридической точки зрения, могут на него лечь белым пятном и вклиниться гвоздём в дальнейшую карьеру.

В-третьих, главным катализатором контрреволюционных и реакционных настроений среди латвийского студенчества служит всё та же классовая неравномерность самой студенческой среды. Этим объясняется большая популярность и сила студенческих корпораций в латвийских ВУЗах – объединений студентов «по интересам», включающих в себя остро-патриотическую тенденцию и сопутствующие националистические тенденции. Стоит напомнить, что в прошлом столетии студенческие корпорации во время совершения фашистских переворотов во всех странах позволяли активизировать студенческие массы и объединить их в боевые отряды коричневой реакции. Такая же судьба не минула в былые времена и Латвию. Поэтому левые идеи даже в «аполитичных» студенческих корпорациях всегда вызвали закономерное отторжение. Закономерно, что эти корпорации не обходят своим вниманием все факельные шествия и националистические мероприятия. Поэтому можно смело утверждать, что по общей своей тенденции, латвийское студенчество гораздо ближе к студентам времён восхождения Рейха, либо к студентам, ставшим ударным молодёжным ядром украинского майдана 2014 года, нежели к революционному студенчеству времён мая 1968 года во Франции.

В-четвёртых, наиболее фундаментальной причиной неспособности скоординировать действия прогрессивных слоёв студенческих и преподавательских кругов является отсутствие наступательного фронта у марксистски настроенных организаций в этом направлении. Иносказательно выражаясь, отсутствие рычагов влияния на Латвийский Профсоюз Работников Образования и Науки, отсутствие влияния в студенческих кругах и общительного опыта с педагогическими кругами, маргинальность и малая известность марксистских движений в Латвии одновременно с жуткой антикоммунистической пропагандой в СМИ. Что, в свою очередь, является предметом для обсуждения уже совсем другой темы – темы мощи и тенденции марксизма в Латвии.

Нормунд Упениекс

Оригинальная статья